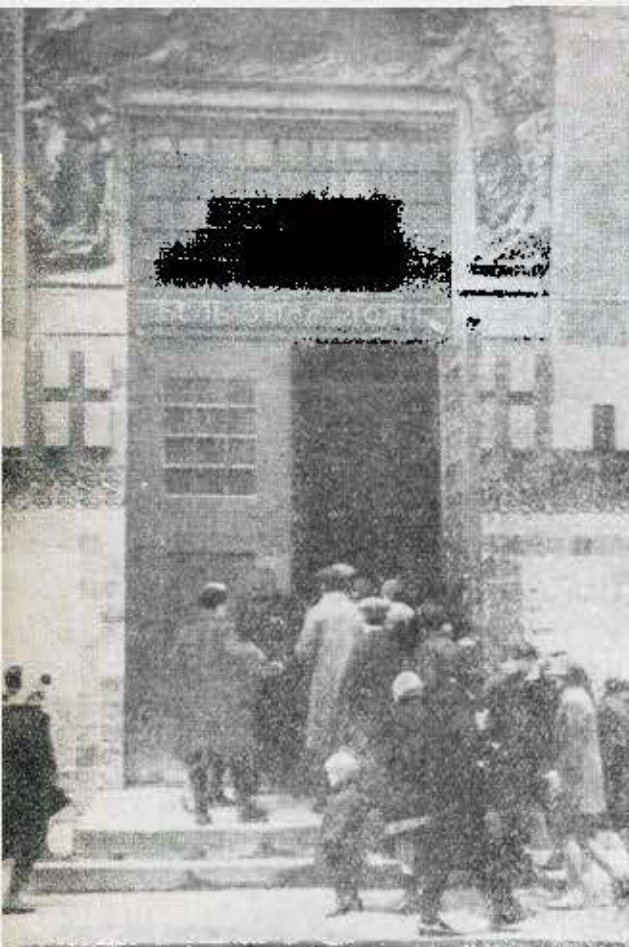

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

РОССІЯ

№ 34 (640) Парижъ 14 августа 1937 г.

У подъезда Художественного театра на Камергерском пер. в большевистские дни.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.

ГОРЬКОВСКИЙ ИЛИ ЧЕХОВСКИЙ?

Приехал Московский Художественный театр — и все, кто его любил (а кто не любил его?) радуется и предвкушает.

Но они читают объявления и немногие французские газеты, и им больно.

В объявлениях они видят театр М. Горького.

Замечка, помещенная в «Математике», намекает советствующему большевикам, сообщая,

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Къ его гастролямъ въ Парижъ

сказать, что театр при царском режиме был тонким цензурой, а со времени октябрьской революции чрезвычайно распахнулся и представляет «созвездие искусств».

Замечка, разумеется, рассчитана на иностранцев, не имевших никакого понятия о русских условиях, ни тогда, ни теперь, совершенно не знавших истории этого театра.

Видя, французы не знают, что «бульварные секстанты» (и не репортёжеры), как называли театр В. И. Немировича-Данченко в Литературно-художественном кружке, на банкете в честь Ермоловой, открыли несколько эстетическую ортодоксальность.

Совершенно чуждые политике, давшие только искусством театру, они остались прочны его консерватизма. Духовные друзья театра бредили новыми формами с той же страстностью, как бредили ими чеховский Третьяков.

В Немировича-Данченко укрепили эту плку из «деспотической России» — сильный, но слишком стеснительный. Малый театр, громадные таланты которого, сказав когда-то свое новое слово, уже не могли новаторствовать, а К. С. Станиславский протестовал против рутинной парижской консерватории, дак он обучался, по всеобщепризнанной республике. «Не изъ сообщенный политический, а исключительно художественных онъ (Н.-Д.) рѣшительно отрицать бюрократический характеръ театрального управления, независимость театра отъ постороннихъ, ему чуждыхъ силъ», пишет историк театра, Эфрон, уже из 23 году. За юбилейной книжкой о театрѣ.

И три принципа положила она въ основу будущего театра:

1) Новая, живая, чуждая театальной условности форма;

2) Исключительно высокий художественный уровень репертуара;

3) Первенствующую роль режиссера, выполняющего спектакль, дающего ему внутреннее толкование, объединяющего его въ одно гармоническое цѣлое, творца и творца его, и души.

На всѣхъ этихъ путяхъ они оказались побѣдителями и сразу завоевали себѣ всероссийскую, а потомъ и ассимирную славу.

Какая «революция» влетѣла имъ въ область репертуара? Трагедія консервативнаго царедворца Алексѣя Толстого, «Царь Федоръ», «Скупучка» Островскаго, репертуаръ Чехова, всю жизнь враждебнаго политикѣ, а также театръ Ибсена.

Чехова, мягкаго, эстетическаго, волюнтариста, недостатка, никуда духомъ, и Ибсена, — этотъ протестъ свободной, сильной личности, желавшей самостоятельно, безъ предписаний, выбрать свой путь; утверждение личности, котораго коллективъ называетъ «Врагомъ народа».

Какъ, противоположны оба эти теченія большевизму!

Чехова театръ возлюбилъ ибже, чѣмъ Ибсена, съ имѣя сродня, его пьесы изумительно прочувствовать и передать; авторъ самъ, заставляя такъ же ибже полюбилъ его свою публику. На запискахъ театра, на всѣхъ ориентировкахъ его помѣщеній, на афишахъ, на билетахъ, на бумагахъ, на которой администрація вела корреспонденцію, — всюду явилась эмблема, чеховская «Чайка».

Понимая эти строки слышала самъ, какъ на чудесномъ чествованіи театръ Чехова 17-го января 1924 года, В. И. Немировичъ-Данченко, казавъ ему со сцены:

— Этотъ театръ, Антоша, — твой театръ!

Хорошо, что это было сказано; даръ быть горестно слышать три года въ судѣ; но и безъ этихъ словъ было ясно, что это театръ Чехова.

И было дико, когда большевистское правительство отдало чужой театръ чужому для этого театра Горькому. Какое право было у Горького принять этотъ даръ?

Правда, его «На дне», изумительно сыгранное, имѣло исключительный успѣхъ, по центральная роль страпника Луки тогда была понята не въ горьковскомъ, а въ чеховскомъ пониманіи: какъ любовь къ слабому и страдающему, потому эту роль театръ стал играть ибже. Другіе пьесы Горькаго: «Мать» и «Дни войны» успѣха не имѣли, а дѣлѣйшія пьесы Горькаго: «Дачники», «Вранья», «Старуха» и «Послѣдніе» театръ steadily отказался.

Слѣди:

«Чайка». III акт. Медвѣденко — Тихомировъ (ум. въ 1928 г.), Соринъ — Луиискій, Третьяковъ — Вс. Мейерхольдъ, Аркадина — Княпперъ, Григорьевъ — Станиславскій, Маша — Давидъ, Шамраевъ — Артемъ (ум. въ 1914 году), Дарья — Вишневскій, Шамраева — Раевская.

Первый составъ труппы театра въ 1898 г.

В. И. Качаловъ у себя дома.

Отношеніе театра къ Горькому и Горькаго къ театру опредѣлились, когда Горькій въ печати запротестовалъ противъ постановки «Всено» Достоевскаго и требовать бойкота спектаклей. («Русск. Сл», 22 сент. и 27 октября 1913 г.).

Театръ отказалъ печально; возъ недержки. «Намъ тяжело было узнать, что М. Горькій въ образахъ Достоевскаго не видитъ ничего кромѣ сцизма, истеріи и эпилепсій...», а «Вѣсъ» для него ничто иное, какъ пасквиль временнаго политическаго характера, и что великому болонскому и глубочайшему художнику мы предъявляете обвиненіе въ растленіи общества... Наша обязанность, какъ корпораціи художниковъ, напомнить, что тѣ самыя «высшіе запросы духа», въ которыхъ мы видите лишь «хрисанфріе, отсканившее отъ живого дѣла», мы считаемъ основнымъ назначеніемъ театра» (подчеркнуто въ подлинникѣ). «Если бы намъ удалось убѣдить насъ въ правотѣ вашего взгляда, мы должны бы-

ли бы отречься отъ искусства, какъ потерявшего дѣла въ то же время мы должны были бы отречься отъ всего — думного въ русской литературѣ отданнаго служебнаго — тѣмъ самымъ «запросамъ духа».

А сотруднику «Вѣса» Немировичъ-Данченко говорить: «Самое же важное, то, что требуетъ протеста самого категорическаго, — это та роль, которую Горькій относитъ театру. Театръ сводится на роль чисто служебную, не на созданіе самостоятельныхъ, самодовольныхъ художественныхъ цѣнностей, а на провозвѣды опредѣленныхъ идей. Съ этою ролью Художественный театръ не мирится». («Вѣсъ», 27 сент. 1913 г.).

И послѣ этого театръ отпихивается у мертвого Чехова и передается Горькому, который, ничто же сумяса, беретъ, какъ взялъ онъ и Писскій Писгорскій, и прощаль, и разлече-

ная учредившая и улицы, и многое другое. Въроина, въ благодарности Чехову за то, что ради него тотъ отказался отъ званія академика.

Нѣтъ ибже слова не выкапывая отъ цензуры Художественному театру до извѣстной степени пострадать довелось; ибже модѣ не по разуму религіозной дѣмъ, митрополитъ оказавъ давленіе, и была запрещена постановка «Гамлета»; послѣ тридцать седьмого представленій, снята со сцены «Анна-мъ», но ибже эти операціи, весьма печальныя, ками къ себѣ, не причинили удара въ основной

Справа: В. И. Качаловъ въ роли Гамлета.

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Въ зарисовкахъ Бориса Григорьева.

Слѣва: Москвинъ въ роли штабсъ-капитана Снигирева («Братья Карамазовы»).

Справа: Вишневецкій въ роли Бориса Годунова («Царь Федоръ Иоанновичъ»).

линий театра, не мѣшали ему развиваться, крѣпнуть, служить «высшимъ запросамъ духа», о которыхъ толковали Горькому художественники. Во сколько же разъ больше досталось ему отъ той власти, при которой, по словамъ замѣтки, онъ расцвѣлъ!

Первымъ, какъ мы видѣли, замахнулся Горькій, требуя бойкота; съ воцареніемъ большевизма, въ театрѣ являлся комиссаръ, чтобы удостовѣриться въ благонамѣренности новыхъ пьесъ, какъ это мнѣ рассказывалъ только что прѣхавшій тогда изъ Россіи Н. О. Баліевъ, и одна изъ трехъ главнѣйшихъ задачъ театра — строгій выборъ репертуара — исчезъ; театръ началъ ставить совѣтскія пьесы.

Подневольный театръ сталъ питаться творчествомъ подневольныхъ авторовъ, вести «проповѣдь опредѣленныхъ идей», съ чѣмъ онъ когда то не хотѣлъ мириться.

Условія жизни отразились и на самой игрѣ. Съ глубокой печалью видѣли мы во время прѣздовъ театра въ Парижъ, полинявшія краски, утомленіе, и отсутствіе прежней священнодѣйственной дисциплины.

— Намъ всячески приходилось халтурить, — говорилъ мнѣ покойный Лужскій, — чтобы заработать на жизнь, нужно было въ одинъ вечеръ выступать въ нѣсколькихъ районныхъ театрахъ; въ нетопленных помѣщеніяхъ играть въ шубахъ. Нельзя было гримироваться: краска не ложилась на лицо при такомъ холодѣ...

Теперь, разумѣется, условія измѣнились; надо надѣяться, что артисты отдохнули отъ

той страшной жизни и снова набрались силъ, но изъ трехъ привезенныхъ пьесъ двѣ, по словамъ В. И. Немировича - Данченко, рекомендованы... Сталинымъ.

Очень пикантно, что одна изъ этихъ «рекомендованныхъ», горьковскіе «Враги» была забракована театровъ въ то время, когда власти не считали себя вправѣ «рекомендовать» пьесъ, и театръ выбирать ихъ самъ.

Не нужно было ему тогда выявлять по всякому поводу своихъ вѣроподданническихъ чувствъ; не нужно было объявлять въ печати своихъ восторговъ по поводу казней... Иначе онъ себя держалъ. Разрѣшалось даже и дерзить правительству: на капустникѣ выставлялись брюки Шаянина «до грѣхопаденія», съ чистыми колѣнками, и «послѣ грѣхопаденія» — съ запачканными.

Какія брюки могутъ теперь выставить тогдашніе насмѣшники?

Но мы смѣяться надъ ними не будемъ; не будемъ и осуждать ихъ. Слишкомъ выразительны условія тамошней жизни, чтобы языкъ повернулся для осужденія. Кто устоялъ бы?

«Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины».

Будемъ попрежнему любить ихъ и радоваться, если когда - то плѣнявшіе насъ сохранили свои силы, и если новые, молодые, блещутъ яркими талантами и огромной художественной культурой старыхъ художественниковъ.

Сергѣй Яблоновскій.